

НОВАЯ ГАЗЕТА

ПРОЩАНИЕ • КУЛЬТУРА

«Когда у часов истекает завод...»

Памяти Бахыта Кенжеева

10:41, 29 июня 2024,

Павел Нерлер

Обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Бахыт Кенжеев. Фото: Википедия

В ночь на 26 июня 2024 года в одной из нью-йоркских больниц, немного не дотянув до своего 74-летия, умер Бахыт Кенжеев. Замечательный, сказочно талантливый русский поэт, с прирожденной гармонией в стиховой крови, весело-артистичный товарищ и иронично-прекрасный собеседник, героический выпивоха (не пьянел!) и неутомимо-обаятельный бабник и сибарит.

Из узелков его биографии и географии всплывают Чимкент, Чистый переулоч в Москве, 20-я школа, химфак МГУ, студия «Луч», «Московское время», Лаура, Монреаль, Лена (не река), Нью-Йорк.

Как стихотворец Бахыт вышел из волгинской шинели, точнее, из студии-мастерской Игоря Волгина «Луч». Студийцы, если не побоятся польстить им сравнением с обработкой алмазов и прочих камушков, соприкасались в ней на чужом и на личном примере с образцами и с критериями поэзии, то есть проходили первичную, самую грубую и совершенно необходимую,

обработку. На выходе получались минералы бесконечно разные и друг с другом часто несовместимые — Витковский, Цветков, Кенжеев, Сопровский, Гандлевский, Бунимович, Красников, Павлова, Вишневский, Быков*, Ватутина...

К стадии огранки была причастнее другая «институция» 1970-х годов с Бахытовым участием — поэтическая группа «Московское время». Это неформальное товарищество поэтов, объединенных, помимо отвращения к советской власти и презрения к советской поэзии, осознанием своей поэтической правоты и верностью поэтической традиции. Дарование у каждого свое, но в воспитании вкуса «Московское время» сильно преуспело. Знаковые имена из предшественников — Пушкин, Баратынский и Мандельштам, а из современников — Тарковский, Галич и, с оговорками, Бродский.

Никакого манифеста или членских билетов не было, были — общность поэтических и мировоззренческих критериев и радость взаимного общения, как трезвого, так и не очень.

Состав был хотя и переменным, но твердое ядро вполне просматривалось: Саша Сопровский, Таня Полетаева, Саша Казинцев, Сережа Гандлевский, Бахыт, Алеша Цветков, Володя Сергиенко, Наташа Ванханен, Павел Нерлер, Валя Яхонтова, Маша Чемерисская, Миша Лукичев. В постоянный «социум» входили и залетные челноки-питерцы — Виталик Дмитриев, Лена Игнатова, Лена Чикадзе и Ира Фоменко. Заглядывали, но не часто, Кублановский, Величанский, Володя Аристов, позднее присоединились — и прочно — Витя Санчук и Веденяпины, Дима и Маша. Лидерами (я бы даже сказал, синдиками) «Московского времени» были двое Саш — Казинцев и

Сопровский, из них первый претендовал и на формальные атрибуты лидерства, беря на себя «ведение собрания» и будучи в неизменном сопровождении жены, исполнявшей секретарские функции.

Собирались в разных местах — и у Бахыта, и у Тани Полетаевой, раза два у меня (в том числе когда провожали Цветкова), но чаще всего — за длинным столом у Вали Яхонтовой на Щелковской. Почти всегда читали стихи, реже что-то, кроме стихов, обсуждали (те же «Альманахи», например). Валина мама жалела дочкиных друзей и всегда выставляла горячую картошку и что-то еще. У кого-то с собой было дешевое вино («Эрети» или «Фетяска»), а Бахыт был славен и тем, что, как дипломированный химик, владел секретом превращения копеечной морилки в относительно приличную (бррр!) водку.

Валя же организовывала и вылазки в лес, например, за грибами. А я несколько раз вытаскивал народ на родину своего псевдонима — на апрельское половодье у Покрова на Нерли. Как-то с Сопровским мы увлеклись и добрались до Юрьева-Польского, где он шлифовал свою книгу «1974». Как человек с геофака, я интересующихся пристраивал в экспедиции, а позднее даже как-то пару раз сбивал поездки в Тифлис за подстрочниками.

Бахыт экспедициями не интересовался, а сибаритствовать предпочитал в городском комфорте, будь то хоть в Старом, хоть в Новом Свете.

*Когда у часов истекает завод,
среди отдыхающих звезд
в сиреневом небе комета плывет,
влача расточительный хвост.*

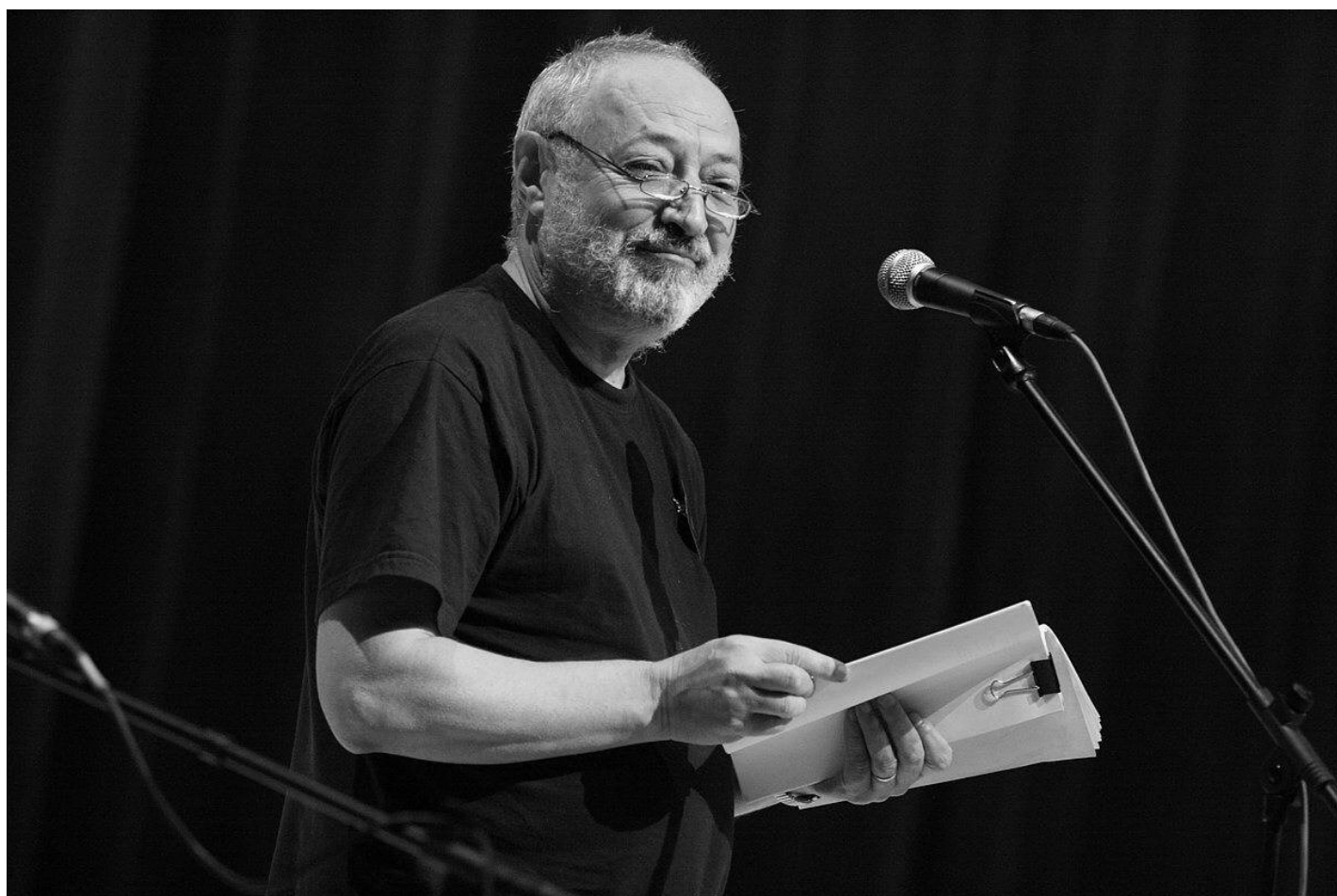
*И ты уверяешь, что это одна
из незаурядных комет —*

*так близко к земле подплывает она
однажды в две тысячи лет!*

*А мы поумнели, и жалких молитв
уже не твердим наугад —
навряд ли безмолвная гостья
сулит особенный мор или глад.*

*Пусть, страхом животным не мучая нас,
глядящих направо и вверх,
почти на глазах превращается в газ
неяркий ее фейерверк,*

*кипит и бледнеет сияющий лед
в миру, где один, без затей
незримую чашу безропотно пьет
рождающий смертных детей.*

Бахыт Кенжеев. Фото: соцсети

Писалось Кенжееву, элегическому поэту, легко и весело. Ощутив тему и уловив настроение, он словно ложился на ритмическую волну, славно кружил на ней над грешной землей и плавно опускался на ней же, словно осенний лист, в последней строчке.

*Еще глоток. Покуда допоздна
исходишь злостью и душевной ленью,
и неба судорожная кривизна
шумит, не обещая искупленья, —
я встану с кресла, подойду к окну
подвальному, куда сдувает с кровель
сухие листья, выгляну, вздохну,
мой рот немой с землей осенней вровень.
Там подчинен ночного ветра свист
неузнаваемой, непобедимой силе.
Как говорит мой друг-позитивист,
куда как страшно двигаться к могиле.
Я трепет сердца вырвал и унял.
Я превращал энергию страданья
в сентябрьский сумрак, я соединял
остроугольные обломки мирозданья
заподлицо, так плотник строит дом,
и гробовщик — продолговатый ящик.
Но что же мне произнести с трудом
в своих последних, самых настоящих?*

Тройка любимых поэтов Кенжеева, по-моему, такая: Пушкин, Баратынский и Мандельштам — без внутренней иерархии. Каждый из них еще и камертон, и своего рода окуляр, через который открывается подлинная оптика бытия:

*Прошло, померкло, отгорело,
нет ни позора, ни вины.
Все, подлежавшие расстрелу,
убиты и погребены.*

*И только ветер, сдвинув брови,
стучит в квартиры до утра,
где спят лакейских предисловий
испытанные мастера.*

*А мне-то, грешному, все яма
мерещится в гнилой тайге,
где тлеют кости Мандельштама
с фанерной биркой на ноге.*

Более полувека поэт Бахыт Кенжеев писал свои и читал чужие любимые стихи. Более полувека — пока не израсходовался весь его часовой завод.

Будем читать и будем любить его стихи, будем помнить и вспоминать его самого!

* Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».